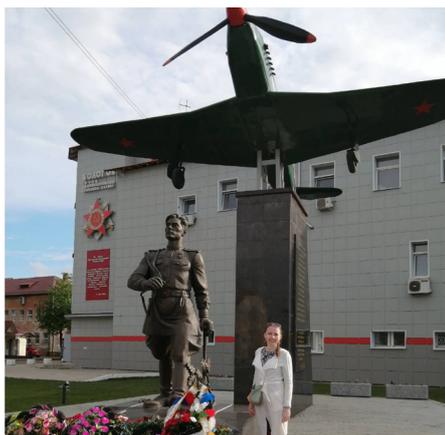




• Памятники Тверской провинции

Маресьев увечовечен в Бологое

В годы Великой Отечественной войны легендарный летчик А.П. Маресьев служил в 580-м истребительном авиационном полку, который базировался в Бологовском районе. Оттуда летчик совершил свой знаменитый полет. В неравном бою 5 апреля 1942 года самолет был сбит над валдайскими лесами. Тяжелораненый Маресьев 18 суток полз к позициям советских солдат. Жизнь врачи ему спасли, ноги пришлось ампутировать. Алексей Петрович научился ходить на протезах, после чего уговорил строгую врачебную комиссию разрешить ему вернуться в строй. Всего за время войны он совершил 86 боевых вылетов, сбил 10 самолетов врага: три до ранения и семь - после. 4 августа 1943 года А.П. Маресьеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Его подвиг стал сюжетом для произведения Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Памятник А.П. Маресьеву открыт в г. Бологое на площади Железнодорожной славы 20 мая 2021 года. Он состоит из точной копии боевого самолета ЯК-1 на гранитном постаменте и бронзовой фигуры летчика. Автор проекта Михаил Садовников, скульптор Евгений Антонов.



«ВОТ ОПЯТЬ Я УХОЖУ В ЛУГА...»



Виктор Королев

г. Белый

Родился в 1974 году в деревне Рьжково Бельского района, где проживает до сих пор. Окончил Бельскую среднюю школу и Бельское ПТУ по специальности тракторист-машинист широкого профиля. Служил в Вооруженных Силах, работал в Бельском лесничестве. Виктор Александрович член Союза писателей России, автор семи поэтических сборников.

ВЕШНЯЯ ЗАРЯ

Догорает вешняя заря,
Колдовские дали сердце манят.
Я живу, судьбу благодаря,
За тот миг, что радует, не ранит.

Вот опять я ухожу в луга
И дышу простором нежночистым.
Пусть родится музыка стиха
И звучит по миру - птичьим
свистом.

Я - поэт, воспевший глухомань,
Этот угол мой, а не медвежий.
И его ругать ты перестань
Хоть при мне, ведь я немного
леший!

Вот опять я ухожу в леса,
Любоваться дивными местами.
К роднику, вода его чиста,
Лишь сравнима с детскими
мечтами.

...Догорает вешняя заря,
Колдовские дали сердце манят.
Я живу, судьбу благодаря,
За тот миг, что радует, не ранит...

АЛЁНУШКА

(к картине В. Васнецова)

Не дрогнет тихий омут,
Не шелохнётся лист.
Лесной речушки холод -
Таинственен и мглист.
В цветастом сарафане,
С распущенной косой
Алёнушка на камне.
Умытая слезой.
Глядит унылым взором,
Как будто в никуда.
Сокрыла столько горя
Холодная вода.
Не дрогнет тихий омут,
Таинственен и мглист.
Что скажет речки холод?
Что молвит павший лист?

ГИМН ГОРОДУ БЕЛОМУ

Мой древний град,
Как белый сад,
Весной в сирени и жасмине.
Зимой укрытый в снегопад,
По праву носит своё имя.
Бежит стремительно река,
Кружатся волны пеной белой,
Проносит мудрость сквозь века
Поток безудержный и смелый.
Хранимый Богом и судьбой

(окончание на стр. 2).



(начало на стр. 1).

Мой край задумчивый и нежный,
 Цветочный, ягодный, лесной,
 Исполненный любви безбрежной.
 Гордимся мужеством отцов,
 Повергших вражеские силы,
 Чтим павших бельских храбрецов
 И их безмолвные могилы.

Мой Белый град -
 Как светлый сад,
 Берёз улыбчивые кроны,
 А в осень бурный листопад -
 Как золотой оклад иконы.
 Пока стремится вдаль река,
 Кружатся волны белой пеной,
 Пусть будет славен на века
 Мой край перед Творцом
 Вселенной.

ЗЕМЛЯ МОЯ

Земля моя,
 Люблю твои просторы!
 Заснеженных лесов
 Чарующую тишь.
 Я постигаю вновь
 Седые тайны бора:
 Вот здесь прошёл кабан,
 Здесь пробежала мышь.
 Вот слышу, старый ствол -
 Остуживает дятел,
 И музыка его
 Торжественно звучит.
 И коль в душе своей
 Взлёт чувств ты не утратил,
 То каждый жизни миг
 Тобой не зря прожит.
 Природой нужно жить!
 И ею наслаждаться,
 Здесь малое полно -
 Великой красотой.
 Порвать же с нею нить,
 Навеки потеряться
 Растерзанной душе
 Твоей, быть пустотой.
 ...Земля моя,
 Люблю твои просторы.
 Твой знойный аромат -
 В лугах созревших трав.
 И что прекрасней... Здесь?
 Глупы, ничтожны споры,
 Кто любит этот мир,
 Всегда и мудр, и прав!

ЛЕСНАЯ РЕЧКА

В сырой глуши лесная речка
 Укрылась средь берёз и лип.
 Её струя дрожит сердечком,
 Вновь привечая малых рыб.
 Нагнулись, будто няньки, липы
 Над этим маленьким ручьем.
 Его унять они смогли бы?
 Ему и камни нипочём!
 Он дальше, дальше, дальше,
 дерзкий!
 Такой бурливый, озорной,
 Как я, мальчишка, в раннем
 детстве,
 Но не сравнить его со мной.
 Беги, малыш, забыв покой,
 Пробей запруды и преграды.
 Я знаю, что с большой рекой
 Тебе, бродяга, слиться надо.

И мне такое надо, знай,
 Во мне не умер дух бродяжий.
 Беги, ручей, не высыхай,
 Беги, мой маленький, отважный...

ОСЕННИЙ ЛЕС

Средь берёз сквозь туман,
 Среди елей и сосен,
 Я - извечный профан,
 Постигающий осень.
 В прошлый раз
 Видел то,
 А сейчас только это:
 Миллионы томов -
 Сказок бабьего лета.
 Как задумчив ты, лес!
 Всё в тебе интересно.
 Здесь и пень - как мудрец,
 И коряга - принцесса.
 Я смотрю и дивлюсь,
 Мыслю, радуюсь чутко.
 Заплутаю -
 И пусть!
 Здесь прекрасно,
 Не жутко!
 Здесь сороки и сойки -
 И те поэтессы,
 Да и небо высоко
 От поэзии леса!

Я ЖИЗНЬЮ ОДНОЮ С ПРИРОДОЙ ЖИВУ

Я жизнью одною с природой
 живу,
 Дыханием ветра я душу питаю.
 И эти деревья, цветы и траву
 Своей колыбелью опять называю.
 И речки задумчивый нежный
 затон,
 Болотные мхи, где алеет брусника.
 Всё это моё, явь и солнечный сон -
 От стога совы до вороньего крика.
 Я - житель села, что пройдя сквозь
 века,
 Избито, уныло, но всё - таки живо.
 И нету милей на земле уголка,
 Чем край мой зацветший -
 медвяная нива.
 ...Я жизнью одною с природой
 живу.
 Ничто мне не чуждо, ничто мне не
 дико:
 Увидеть туман, что сошёл на
 траву.
 Зайти в бурелом, где растёт
 ежевика.

ТЫ РЕДКИЙ ЦВЕТОК

Ты редкий цветок
 Заповедного сада.
 Пленён предосенней
 Твоей красотой.
 Одна ты для сердца
 больного отрада:
 Мой демон прекрасный
 И ангел земной.
 На радость иль гибель,
 Скажи, тебя встретил -
 Когда я в унынья туманах бродил?
 Когда я во мгле одиночества
 бредил,
 Твой образ
 Вдруг тьму
 Предо мной осветил.
 О, редкий цветок
 Предосеннего сада.
 Скучаю по зрелой твоей красоте.
 Казнить за чувства,
 Родная, не надо.
 Ведь только они
 Нас влекут к высоте.



(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 65 (сентябрь)).

Письмо шестьдесят первое

НАША деревня существует в этом мире одновременно с городом. Мы видим вас по телевизору и вы нас тоже, иногда. Но ощущения, я думаю, очень разные.

Вот свет мигнул, погас и мы уже ничего не видим, будто мешок на голове. Темень непроглядная. Нахожу фонарь, зажигаю керосиновую лампу, и она освещает сразу массу вопросов и проблем. Надолго ли? Что делать с холодильником? А связь? Ну, тут перекину рацию на аккумулятор. Дом стонет под напором ветра. Восемь утра, но рассветать и не думает. Ощущений масса. Не соскучишься. Сколько я живу здесь (а скоро уже будет двадцать лет), столько и обрываются провода, и все время в одном и том же месте. Такая устойчивость радует. Есть нечто стабильное и в этой жизни. Ну, это я так, к слову.

Я вот о чем постоянно думаю (благо, время сейчас есть). Ну вот нет электричества, радио, телевизора. Нет термометра за окном. Но если оглянуться хоть чуть-чуть назад. Совсем немного - лет так на 150. Что, тогда люди не жили? Не радовались? Не любили? Не воевали на том же Кавказе (почитай Тол-

стого)? Не сочиняли «Евгения Онегина» или «Шестую симфонию» или «Лебединое озеро»? Да и жили, в общем-то, подольше. И культура была, прямо скажем, не чета нашей.

А в деревне так же и жили, кто-то работал, а кто-то пьянствовал, пропадал. Одиноким старухи так же доживали свой тяжелый век, глядя на мир такими же неизвестно от чего слезящимися глазами.

«Ах... ты, ноченька. Ночь осенняя. Ночка темная». Она сейчас такая же беспросветная, без фонарей. А чиновники, пожалуй, так же хапали, покупали новые пролетки и строили дворцы. Ну не лопапой же они все это зарабатывали.

«Что было, то будет...». Воистину так.

Простой-то человек жил в согласии с Божьим миром. Завернулся листик на дереве, значит туман будет. А не завернулся, значит ведро. Небо вымело ветром, значит зима будет ой, ой, ой! Вот это и называется гармонией, согласием с Божьим миром. А сегодня - сломался термометр за окном и все - ни туда, ни сюда. Остановились часы - и везде опоздал, не попал, не встретился. Живем в искусственном, придуманном мире, а реальность все дальше и дальше исчезает в тумане. Лопнуло что-то - и сидим то без воды, то без света. И ведь ничего не поделаешь. Всего не предусмотреть.

Ну не дай Бог, в Удомле что-то случится. Ведь всю Тверскую область расселять надо (тех, кто выживает). А мы все смотрим как-то в бок и в землю и все делаем вид, что ничего, пронесет. И строим новые реакторы, хоть той же воды для их охлаждения давно не хватает. Ничего... Вперед! Прогресс... А ведь было уже все, и не один раз. Мы же предупреждены, но нам этого мало.

«В лесу родилась елочка» или «Во поле березка стояла», кому-то это красивый образ, а для нас еще и просто дрова. Начальство собирает тех, кто эти елочки да березки ва-

лит. Аукцион называется, в смысле кто больше даст. Положили денежки в карман и дальше пошли руководить. Это ведь общенациональное, Богом данное, богатство. Но мы вот живем в лесу, а дом отапливать нечем. Единственное, что нам надо, это дрова, ни угля, ни торфа, ни газа мы не просим. Средний возраст населения за 70 лет, здоровье «по-возрасту», а пенсия от 1800 до 2200 рублей (за возраст премия). Телега же дров стоит 1500 рублей! И кубометров в ней столько, сколько аукционеры укажут, причем одна осина. «Хочешь бери, не хочешь... молчишь? Значит, бери!». И везут-то ни когда тебе надо, а когда им удобно. Вот стоит бабка и считает в уме, что меньше четырех телег не обойтись (и то, если на печке спать, а весь дом не греть), а это 6 тысяч, ладно, баню одну на три дома топить придется... Но вот из-за пеньков слуга Бахуса явился с топором. «Могу расколоть, 500 рублей одна телега», и за укладку 300 рэ, «только для тебя». Вот и копят бабульки целый год эти 7-8 тысяч рублей. А живет она, буквально, среди дров, в лесу, который ловкие ухмыльчивые начальники давно положили в собственный карман.

Так что, крайний-то всегда народ, который эту свою разнесчастную копеечку от сердца отрывает и... «с мира по нитке, завхозу галифе».

Это если тихо, на цыпочках, заглянуть правде в глаза и увидеть съезжившуюся бабульку, спящую в фуфайке на плите... Среди леса.

«Сытый голодного не уразумеет», - вздыхает народ и все и остается по-старому. Начальник сидит в уютном кресле возле теплого камина, у лесника ковер конечно подешевле, но все же есть, а бабулька в холодной избенке прикидывает, как ей на оставшиеся 200 рублей самой месяц прожить,

(окончание на стр. 4).



(начало на стр. 3).

да кур и тошную, как кочерга, кошку прокормить, да еще и лекарств купить. А начальники прикидывают, на сколько повысится цена в следующем году. Инфляция и других «нужд» много, «маловато будет». А где-то написано слово «совесть». Но, видно, такими крупными буквами написано, что их вблизи-то и не разглядеть. Вот между этих букв и бегают, суетятся создатели различных реформ.

Вот те, у кого в голове есть мозги, а не образование, во весь голос предупреждают: «катимся к катастрофе и не только в смысле ресурсов, но и к моральной катастрофе».

У подрастающего поколения в подавляющей массе нет совести, нет нравственности, нет уважения к старикам. Т.е. нет главного, что делает человека «челом века». А те жалкие музейные раритеты, что растут как эксклюзивы в интеллектуальных парниках, не составляют «тела» народа. И пока на место того, кто хапает со старух пенсию за телегу дров не встанет тот, кто, заработав на строевой древесине, привезет ей дров бесплатно из уважения к ее жизни, прожитой в нищете, к ее наградам за войну, к ее остаткам веры, ко всему тому, благодаря чему и живут сегодня эти паразиты, насосавшись от всего недополученного ею добра. Пока этого не произойдет, мы будем падать и падать, осталось уже совсем не далеко, и это не рассуждения дилеганта, а серьезные труды ученых историков, богословов, настоящих экономистов.

Вопрос не в деньгах, а в устройстве души. Здесь все зависит от правил, в которых воспитывался тот или иной человек. Есть нищий, который никогда не возьмет чужого, а есть богач, который всегда прихватывает лишнее, за счет чего и богатеет. Один человек не может перешагнуть нравственных барьеров внутри себя, а у другого их попросту нет. С одним человеком можно заключить договор, поверив на слово (как прежде русские купцы доверяли друг другу огромные суммы), а другого можно

держат только страхом, да и то...

Если каждый очень внимательно и честно посмотрит себе в душу, то увидит главную беду нашего народа - потерю совести.

А процветание и благосостояние, как это не покажется странным, строится на совести, чести, нравственности, т.е. на устоях.

Тут по радио тревожным голосом сообщают и обсуждают - убили несколько проституток, которые в таких «ужасных» условиях занимаются своей профессией...

Они, что, молоко больным детям разносили? Или не знали, чем занимаются и не они распространители заразы, растреления и порока? Каждая из них, встав на этот путь, знает, чем это может закончиться. Эх...

Выхожу во двор. Вечер. На бледно-голубом небе, подбитом кремово-желтым цветом заходящего солнца, разбросаны тревожно ползущие тяжелые тучи. На этом фоне гравюрно просвечивает бирюза и уже в просветах мелькают звездочки. Еще бледные, они вот-вот зазвенят на темном ночном небе, а пока чуть мерцают.

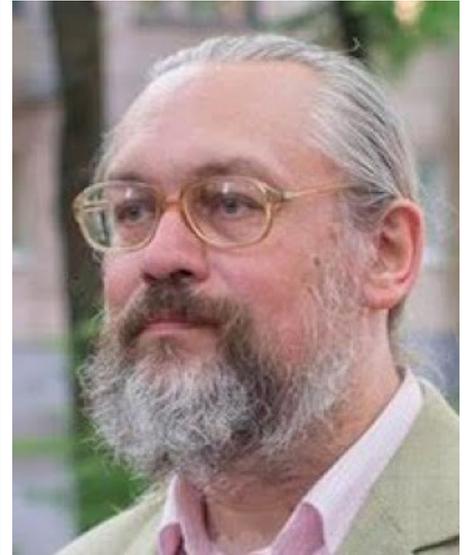
Вечность. Где слова, дорогой мой, где эти жалкие буквы, из которых можно соткать некое подобие, чтобы передать затем людям? Как растревожить их, убивающих время своей жизни, в бетонных коробках с мертвым электрическим светом, смотрящих на какую-нибудь шутиху Клару Новикову или ей подобных? Тогда как рядом, в двух шагах, Божий Мир. Вечность.

Сколько всего дано, никакой жизни не хватит, чтобы не то, что постигнуть, а прикоснуться и упасть в слезах на колени перед таким Божьим даром. Перед этой совершенной красотой. Осознать возможность своего соучастия во Вселенском домостроительстве всеми теми талантами, что наделил тебя Господь.

А что мы? Создаем оружие, отравляем воздух, воду, едим, что попало. Воистину, «Если Господь захочет кого-то наказать, отнимает разум».

*Обнимаю,
твой Дмитрий АРСЕНЬЕВ,
Пеновский район.*

ЗАТРЕБОВАЛ ПОЭТА ПО ТЕЛЕГРАФУ



В августовском номере «Двинский бережок» напечатал подборку стихов Андрея Канавщикова из его книги о донбасских событиях - «ВыZoV». Предлагаем один из очерков писателя, представленных в этой же книге.

Традиционно при разговоре о войне и искусстве приводится вариация из высказывания Цицерона «Inter arma silent Musae» («Когда гремит оружие, музы молчат»). Приводится, чтобы тут же его пафосно опровергнуть. Дескать, вот говорят про молчащих муз во время войны, а на самом деле никогда музы не молчат. Якобы, налицо некий интеллектуальный парадокс, некая неподвластная человеческой логике мудрость. Хотя Цицерон, вообще-то, говорил о другом. Совсем не о музах. Дословно: «Когда гремит оружие, законы молчат» («Inter arma silent leges»).

(продолжение на стр. 5).



(начало на стр. 4).

Что же до муз, то они и не должны молчать. Поскольку, когда в наличии есть подъём человеческого духа (а война всегда всё обостряет и утончает), то и творчество становится ещё более востребованным.

Суть творчества в принципе - помещение человека в экстремальные ситуации и наблюдение, что из этого выйдет. Творчество изначально есть эксперимент на выживание. То есть музы во время грохотания пушек не только не умолкают, но обретают новое дыхание. И это прекрасно понимали, кстати, лучшие пропагандисты в Великую Отечественную войну. Прежде всего, речь о блистательном редакторе главной газеты Красной Армии «Красной Звезды» Д. И. Ортенберге. Давид Иосифович в военную пору, ещё с Халхин-Гола, прославился тем, что активно привлекал к работе профессиональных писателей и поэтов. Вот что вспоминал журналист Лазарь Лазарев: «В университетские годы, занимаясь нашей военной литературой, выписал я в Ленинке и прочитал подшивку «Героической красноармейской». Это была уныло-заурядная армейская многотиражка. Но первый же номер, подписанный Ортенбергом, был сделан на совершенно другом, гораздо более высоком, журналистском уровне (в данном случае я имею в виду не только армейскую журналистику).

Секрет успеха был, вроде бы, прост: Ортенберг «мобилизовал» для работы в газете случайно находившихся в ту пору в Монголии писателей – Бориса Лапина и Захара Хацревина, погибших потом в сорок первом в киевском окружении, и Льва Славина. Затем редакцию пополнили Владимир Ставский, считавшийся тогда очень крупной литературной фигурой, незадолго до этого возглавивший Союз писателей, и молодой поэт Константин

Симонов - Ортенберг затребовал, чтобы из Москвы прислали поэта, так как посчитал, будто в газете должны регулярно печататься стихи, а это в те времена было довольно дерзкой новацией». Показательна фраза «затребовал поэта». И это не метафорическое допущение, а реальная практика работы редактора Ортенберга. Он и вправду на войну попросил прислать не матёрого обветренного и проспиртованного журналюгу в шрамах, а именно поэта! И не просто «попросил», сказал кому-то об этом между прочим, а «затребовал», и затребовал срочно, по телеграфу!

Вот как про эту историю писал в своих воспоминаниях К. Симонов: «Мне предстояла осенью поездка на Камчатку, в находящуюся там воинскую часть. Вместо этого во второй половине августа меня вдруг вызвали в ПУР к Кузнецову (Мехлис, которого он заменял, в это время был на Халхин-Голе) и спросили, готов ли я ехать в Монголию. Я сказал, что готов. (...) Как выяснилось впоследствии, вызов объяснялся тем, что Ортенберг, редактор газеты армейской группы, действовавшей на Халхин-Голе, телеграфно запросил «одного поэта». Когда я сказал, что готов ехать, то выяснилось, что ехать нужно сегодня же, с пятичасовым экспрессом. Происходило все это в час дня. Кое-как успели выписать мне литер и выдать деньги. Обмундирование выдать не успели, сказали, что выдадут на месте. На пятые сутки я был в Чите, а через сутки уже летел на пассажирском самолете с окосечками в Тамцаг-Булак - тыловой городок, где стоял второй эшелон нашей действовавшей в районе Халхин-Гола армейской группы.

Дальше Симонов пишет, что Ортенберг сразу же отправил его на фронт со Ставским. Они переправились через реку Халхин-Гол, переждали бомбёжку, видели

бои и смерти... Прошло три дня. Наши взяли сопку Песчаная. Потом другую сопку... На обратном пути Симонов начал обдумывать тему своих стихов: «Когда сели в машину, мне пришла в голову мысль, которую я сейчас же высказал Ставскому, - что хорошо бы, когда кончится конфликт, вместо всяких обычных памятников поставить в степи на высоком месте один из погибших здесь танков, избитый осколками снарядов, развороченный, но победивший».

Так на свет появилось стихотворение «Танк». Стихотворение во многом пророческое, поскольку после Великой Отечественной по всему Советскому Союзу на постаменты памятниками встали сотни танков, совсем, как мечтал в боях с японцами поэт. Ортенберг встретил писателей из командировки на фронт за подготовкой свежего номера газеты «Героическая красноармейская». Вот что пишет Симонов: «Он каждый день с рассвета уезжал в войска, возвращался к ночи и, выпустив газету, снова уезжал. Когда мы вошли, он поднял голову, посмотрел на нас сонными глазами, потом посмотрел на полосу, лежавшую перед ним, и красным карандашом - он, заснув, продолжал держать карандаш в руке - размашисто вычеркнул несколько абзацев, потом подумал, посмотрел на меня и вычеркнул целую колонку. Потом сказал:

- Надо написать стихи в номер. Сколько вам нужно строк? Шестидесять хватит? Я не нашел даже, что сказать.

- Шестидесять, - сказал он. - Я снял тут одну колонку. Идите пишите.

Ночью я написал свое первое стихотворение для нашей армейской газеты. Это был мой первый (окончание на стр. 6).



(начало на стр. 4-5).

опыт писания фронтовых рассказов в стихах, посвященных конкретным людям с подлинными фамилиями. Таких вещей я на Халхин-Голе написал десять или двенадцать. В начале Великой Отечественной войны по настоянию Ортенберга я, работая уже в «Красной звезде», написал еще два таких стихотворения, а потом бросил это и перешел на военные корреспонденции. Я написал стихи, лежа на койке в юрте, и отнес их Ортенбергу. Он сидел над новой полосой, опять положив руки и голову на газетный лист, и опять спал. Когда я вошел, он встряхнулся, молча взял стихотворение и прочел его.

- Хорошо. Потом спросил:

- А тут все фактически верно? Я подтвердил.

- А то, может быть, не стоит настоящую фамилию? - еще раз спросил он.

Я еще раз сказал, что нет, что все фактически верно и можно ставить настоящую фамилию.

- Ну, хорошо. Идите спать».

Казалось бы: вокруг война, горе, кровь, всё серьёзно, на грани. И тут же - стихи прямо в номер! Более того. Для стихов Ортенберг даже специально освободил место, придавая им особое значение. Уже на примерах времён Великой Отечественной войны Давид Иосифович объяснял это своё решение и столь преувеличенное внимание к поэзии в газетных буднях: «Вспоминаю, что на Халхин-Голе, когда мы узнали о подвиге Сергея Грицевца, первым получившего вторую звезду Героя Советского Союза, к нему помчались сразу три писателя - Лев Славин, Борис Лапин и Захар Хацревин. Теперь таких возможностей нет - другие масштабы войны. О Слонове, повторившем подвиг Грицевца в более слож-

ных условиях, - всего десяток строк.

В Отечественную войну, особенно в начальный ее период, отличавшийся переменчивостью обстановки на фронтах, трудно, а порой и вовсе невозможно было угнаться за событиями. Они наплывали, наслаивались одно на другое. И притом всё умножалось число героев. Чтобы хоть как-то скрасить скудную информацию о них, мы всё чаще прибегали к помощи поэтов. Каковы бы ни были стихи, одни - лучше, другие - хуже, их эмоциональное воздействие на сердца и души фронтовика неопределимо».

Лучше, чем Ортенберг, на тему пушек и муз сказать невозможно. И это не слова кабинетного теоретика, это подкреплённая годами боёв журналистская практика. До сих пор газеты, которые редактировал Ортенберг, читаются современно, ярко, на том нерве эмоциональной убедительности, который могут обеспечить только профессиональные писатели и поэты.

Скажем, об освобождении Великих Лук в январе 1943 года в газете «Правда» написали два репортажа журналист Лев Толкунов и писатель Александр Фадеев. Никого не хочется обижать, но второй текст был куда ярче и убедительнее, чем первый. Уж слишком разными художественными приёмами пользуются журналисты и писатели!

Поэтому сейчас можно только удивляться, что богатейший опыт журналистики времён Ортенберга почти не используется. Непонятно, например, почему председатель Союза писателей России Н. Ф. Иванов не ведёт в «Красной Звезде» свою ежедневную колонку, а начальник военно-художественной студии писателей В. А. Силкин не выступает со стихами по Первому каналу телевидения между сводками Министерства обороны. Слово профессиональных писателей и поэтов почти не звучит сейчас.

В соцсетях резвятся, как правило, графоманы, даже реальный эксперт по Донбассу Прилепин звучит редко-редко, будто одолжение ему оказывают. Это неправильно! Ортенберг специально вызывал телеграфом поэта, буквально задыхаясь без поэтического слова среди лязга танковых гусениц и грохота боёв, а мы сейчас почему-то делаем вид, что время изменилось и что-то в балансе пушек и муз стало другим. Не стало! Люди мало меняются по своей психоэмоциональной структуре даже по прошествии тысячелетий. Мы с равным успехом можем читать сейчас и Гомера, и того же Цицерона, прекрасно понимая их мысли и их чувства, их настроения и их внутреннюю логику. Думается, увидь Ортенберг, как освещается сейчас специальная военная операция на Украине, он бы первым делом возмутился. «Как всё сухо, как скучно пишется! Где очерки о героях, где пламенные поэмы! Где рисунки художников студии Грекова, когда именно начальник студии Жуков был одним из первых авторов, кто нарисовал подвиг Александра Матросова!» - сказал бы Ортенберг. «Почему стихи публикуются сейчас только в малотиражных сборниках, а не звучат на брифингах Минобороны?! Почему на войне отдуваются лишь армейские журналисты, а профессиональные писатели и поэты, как прежде, заняты своими будничными делами?!» - гремел бы редактор Ортенберг. А вторым делом, он обязательно бы вызвал (точнее, затребовал) для своей «Красной Звезды» профессионального поэта. И немедленно освободил бы для него целую колонку в ближайший номер. С небольшой поправкой разве. Сейчас он затребовал бы поэта не по телеграфу, а по скайпу. Кое-что, всё-таки, в нашем мире меняется.

Андрей Канавщиков,

г. Великие Луки



ТВЕРСКОЕ СОДРУЖЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

Татьяна Винокурова

Родилась в 1991 в г. Вышнем Волочке. Окончила среднюю школу № 15 с золотой медалью и музыкальную школу по классу академического вокала. Выпускница юридического факультета Тверского государственного университета. Участница литературного объединения «Иволга». Живет и работает в Твери. Поэт, автор-исполнитель. Автор трех сольных альбомов. Двукратный обладатель премии Президента РФ при поддержке талантливой молодежи. Победитель многих литературных (поэтических) конкурсов и фестивалей авторской песни. Руководитель студии авторской песни «Мир».

И. О

Всё дует зима настоящему в морду,
Кипит от зимы голова.

Болеют домашние. Нервы ни к
чёрту.

Не сыпятся с неба слова.

Я выключу телек, посуду домою,
Пойду день на вечер менять,
Гадать, почему всё воспетое мною
Трактуются против меня.

Быть честным с собой - не подарок
святого,

И честным с другими - подвох.
Меня исцеляет письмо из Ростова,
В котором есть правда и Бог.



ПАМЯТИ АМОНА СУЛЕЙМАНОВА
И ХАЛИГА КЕРИМОВА

Стараясь быть стремительным,
Амон жил. Жил Халиг.
Амон лечился длительно.
Халиг лечил других.

Пока я, криворукая,
всё гладила тряпье,
Амон читал Безрукову.
Халиг читал своё.

Всерьёз мозгами пораскинь:
все предрассудки - ложь.
Амон был глух - технически
(не знаешь - не поймёшь).

Водила пел, водил кляня,
владимирский централ.

Последний раз Халиг меня
в маршрутке не узнал.

Едва ль, живя в краю одном,
знакомы меж собой.
Амону было с хвостиком.
Халиг - ровесник мой.

Я знала их обоих чуть,
поверх их смуглых глав,
не видя никакую суть,
так, рядом постою.

Летел по бежецкой Халиг.
Удар был любовой.
Амон сверкал, как святой лик,
под дозой лучевой.

А тот, кто вместе с ними пел
хоть час из жизни всей,
осиротел, осиротел
за эти пару дней.
И я, как флаг, как обелиск,
как жертвенный огонь,
волшебный свет их божьих искр
запрятала в ладонь.

Я здесь и я ещё жива -
И помню не одна,
что жили рядом солнца два,
два русских пацана.



Владимир Абдулов

Родился в 1970 году. Окончил Санкт-Петербургскую академию аэрокосмического приборостроения. Работал авиационным техником, преподавал в школе. С 1995 по 1997 г. проходил воинскую службу на Дальнем востоке в ВКС. Старший лейтенант запаса. Работал инженером в ПАО «Ростелеком». В настоящее время директор До-

роховской средней школы. Руководитель военно-патриотического объединения «Рубос-Бежецк», клуба «Восходящая звезда» (СПб). Преподаватель рукопашного боя. Печатался в коллективных сборниках и альманахах. В 2020 году выпустил авторский сборник «Выйти из тени». Лауреат нескольких фестивалей.

А КАКОЙ СЕЙЧАС ВЕК?

Философского камня нет.
Но кого напугало это?
Был когда-то галантным век,
И богат на крутых поэтов,
Не жалевших своих трудов,
Как положено человеку.
Отливалось золото строф
В грубых тиглях того же века.

Стало золото серебром,
Серебро превратилось в бронзу.

Время шурилось так хитро
И таило в словах угрозу.
И опять дешевел металл
Меж глаголов и междометий.
Кто и что там не рифмовал,
Три десятка назвав столетьем?

А теперь есть всеобщий чат,
Где все средне и очень дешево.
Поколения в пыль дробят
Все оставленное из прошлого.
Я перо наострю об лезвие...
Не идёт, хоть кричи. Увы...
А какой сейчас век в поэзии?
Я теряюсь сказать... А вы?



• Литературное краеведение

«БУДУТ РОСТКИ ЗЕЛЕНЕТЬ...»



Владимир Гончаров

Родился в 1951 году на Дону, в Ростовской области. Окончил в 1973 году Азово-Черноморский институт механизации сельского хозяйства и приехал по распределению в Калининскую область. С тех пор вся его жизнь была связана с тверской землей. Здесь обрел свою вторую половинку, проявил себя на комсомольской и партийной работе в Твери, обрел множество друзей. Он был человеком разносторонних интересов: писал стихи, занимался чеканкой и резьбой по дереву, плотничал на даче, любил рыбачить. Весной этого года Владимира Михайловича не стало.

ОКНО

Осенний ветер сыпал злую морось,
Рябила в лужах стылая вода.
Мы, обреченные ютиться порознь,
Мучительно прощались навсегда.

Мы разошлись, не связанные
клятвой,
И многое не помнится уже,
Но до сих пор притягивает взгляд
мой

Твое окно на третьем этаже.

Оно когда-то к нам луну впускало
И первые рассветные лучи.
Оно нас лёгким ветром освежало,
Когда объятья были горячи.

И вот теперь, его касаясь взором,
Я вздрагиваю: кажется, в окне

Глаза я вижу, с болью и укором
Они безмолвно смотрят в душу
мне.

ЗАСУХА

Небо, разящее жаром,
Дымка в закрытом окне,
Зарево дальних пожаров
В нашей лесной стороне.

Ночь не приносит прохлады,
В снах - горький дым. Наяву
С веток засохшего сада
Яблоки пали в траву.

Нету забвения спящим
От неизбывной тоски.
Засуха зноем палящим
Добрые губит ростки.

Были и мы молодыми,
Были любимы, нежны.
Воспоминания - в дыме,
Засухой поражены.

Жили тогда интересней,
Строили рай в шалаше.
Засухой выжжены песни
В окаменевшей душе.

Небо, ты нас не иссушишь,
В благодати верим твои.
Землю и травы, и души
Свежей водой напои.

Всё возродится, воскреснет,
Будут ростки зеленеть,
Будут, как новые песни,
Яблоки красные зреть.

Я ЖИТЬ ХОЧУ...

Я жить хочу, чтоб было интересно,
И чтоб не тлеть хотелось, а гореть.
Чтоб мог всегда уверенно и честно
В глаза друзьям и женщинам
смотреть.

Чтоб был азарт, а не покой
унылый,
Чтоб лещ клевал и яблони цвели,
Чтоб на земле разумно тратить
силы
И набираться силы у земли.

Хочу творить, чтоб до последней
точки
Успеть отдать, что раньше не
донёс,
И чтоб мои рифмованные строчки
Людские души трогали до слёз.

И для того, наверно, жить мне
стоит,
Чтоб жаворонка слушать поутру,
Чтоб задохнуться ароматом хвои
У тихой речки в солнечном бору.

КАРЕЛЬСКАЯ НАЯДА

Казалось, замолчали птицы,
Стрекозы прекратили лёт,
Когда красавица-девица
Возникла из прозрачных вод.

В меня свою стрелу направил
Крылатый пухленький амур,
Я незаметно чуб поправил
И к ней: «Мадам, жё тем, лямур».

Она молчит, глядит по-детски,
Я озадаченно затих.
Потом сказал ей по-немецки:
«О, майне фрэйлен, либедих».

В ответ ни слова, я упрямо
Ей по-испански выдаю:
Мол, сеньорита, мол, те амо.
Откройте душу мне свою.

Я осмелел, пал на колени,
Пою, подобно соловью,
Без ложной скромности и лени:
«Май дарлинг леди, ай лав ю».

Её молчаньем озадачен,
И вдруг она, карелов дочь,
Шепнула «Ми шилмашуачен»,
И гордо удалилась прочь.

С тех пор её, мою Няяду,
Ищу и не могу найти.
О, если б вовремя тираду
С карельского перевести!

* * *

Невелики познания наши,
Но убеждаюсь вновь и вновь,
Что во Вселенной нету краше,
Нежнее русского: «Любовь...»

И в муках творческих я снова,
Опять я в грусти и в тоске:
Как мало рифм на это слово
В великом русском языке!

ЗВЁЗДНАЯ НЕЖНОСТЬ

Взлетает ввысь восторженно душа,
Где мириады звёзд близки и
зрими.

(окончание на стр. 9).



• Публицистика

Затоскует душа за околицей

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ жизнь, хотя и нетороплива, не дает расслабиться. Привез полкуба досок-пятидесятки для замены пола в бане, переносил в дровяник остатки распиленных старых досок... Обычно, с вечера, выстраиваю «надо» в очередность, но на завтра возникают новые «надо». Так и проходят дни. «Нет счастья в бездействии», - отмечал Ф.М. Достоевский. Правда, действие действую - рознь. Кто-то занимается производительным трудом, обихаживает ниву духовного служения. Кто-то одержим личным обогащением, имитируя приверженность православия, хотя нельзя одновременно служить Богу и Мамонне. Эти - «новая элита». Тридцать лет они считают себя хозяевами жизни в России и уверовали, что «бэбл» всегда будет эквивалентом положения в обществе. Но отнюдь не благодаря им зеленеет ослабленное древо русской жизни. Либералы много лет подгрызали его корни, хотели высосать из него жизненные соки, распилить его на части, оно наклонилось, стонало, кряхтело, но стояло, и, наконец, стало распрямляться усилиями президента и тех патриотов, кто не сдался либерализму.

Держим связь с доктором исторических наук, членом Союза писателей России, лауреатом премии «Слово к народу» Раисой Васильевной Кузнецовой. У нее скромный крестьянский домик в деревне Козлово Село в нашем районе. Перу подвижницы принадлежат труды о об академике И.В. Курчатове, адмирале Н.Г. Кузнецове. Раиса

Васильевна - жена его сына Николая Николаевича. Выдающийся инженер, он получил большую дозу радиации в Чернобыле и безвременно скончался. Не так давно вышла новая книга Раисы Васильевны - о руководителе научно-технической разведки СССР Л.Р. Квасникове. Переписываемся с профессором, доктором философских наук, капитаном первого ранга Владимиром Дмитриевичем Карандашовым. Преподает в Военно-морском институте в Санкт-Петербурге, сохраняя верность селижаровскому краю. Навещает родную деревеньку Заозерье, печатает в местных изданиях краеведческие статьи, член Союза писателей России. Встречаемся, как родственные души, с Алексеем Сергеевичем Поповым. Бывший редактор альманаха «Отечество», член Географического общества России четыре десятка лет живет на андреапольской земле (в деревеньке Жуково), написал замечательные книги о Верхнем Подвонье. Дружны с членом Союза писателей России, лауреатом премии «Слово к народу» Геннадием Сазоновым из Вологды. Уроженец станции Пожитово Торжокского района (а его отец Алексей Савельевич и мать Клавдия Федосеевна родом из-под Андреаполя) когда-то заведовал отделом культуры «Калининской правды», поколесил по стране, будучи собкором «Правды», «Советской России». В этом году за книгу «Сияние слова Василия Белова» удостоился литературной премии республики Карелии «Во славу Отечества!». Премия учреждена в честь поэта и первого губернатора Олонецкой губернии Г.Р. Держави-



на. Болит у Геннадия Алексеевича, как и у Кузнецовой, Карандашова, Попова, душа за Русь-матушку. Почти все свои книги, их свыше тридцати, он посвятил русской провинции, которую отлично знает.

Едва получил от него весточку, как на тверском телеканале увидел андреапольского земляка (родился в деревне Горка) Александра Вихрова. Это уже другая история. Как и у нас с Сазоновым, у него за плечами журфак ЛГУ, прошел школу областной «молодежки» и «Калининской правды». Но далее свернул Александр Николаевич с черного хлеба журналистской стези в бизнес-сообщество. Работал в банке Уралсиб, где отвечал за связи со СМИ и общественностью. Говорят, преподает сейчас ребрендинг в финансовом университете при правительстве и, как человек состоятельный, скупает по миру антиквариат, имеющий отношение к войне 1812 года. Пару лет назад: на тверском ТВ рассказывал о Наполеоне Бонапарте и составленном каталоге собранных вещей, связанных с ним. Открыв интернет, наткнулся на публикацию «Российский топ-менеджер посвятил свою жизнь Наполеону»: «Коллекция Александра (продолжение на стр. 11).



(начало на стр. 10).

Вихрова полна реликвий. С полотен, гравюр, фарфоровых ваз и тарелок Наполеон Бонапарт взирает на Бородинский бой и горящую Москву. Предстает никому не известным юношей и увенчанным славой императором. Заклучает Тильзитский мир, томится на Святой Елене. Позирует вместе с сыном и супругой Марией-Луизой. Здесь же его маршалы и его великая любовь Жозефина Богарне – неизменно красавица, будь то гравюра или мейсенский фарфор. Рядом с работами признанных мастеров, как, скажем, Антуан-Жана Гро, официального живописца Наполеона, много разномастных творений неизвестных художников, объединенных чувством восхищения своим героем.

Теперь вот Александр Вихров привез в Тверь выставку из своей коллекции (250 раритетов!) под названием «Война 1812 года. Сила народная». Видимо, почувствовал дыхание времени, раз вспомнился народ. В свое время я с интересом прочел книгу историка Тарле о Наполеоне. Не исключаю, земляк раздобыл какие-то новые сведения о нем. Но пригласят ли тверские телевизионщики в студию русского писателя Геннадия Сазонова с его рассказом о Василии Ивановиче Белове? Не пригласят. Белов, написавший провидческий роман «Все впереди», где предсказал теперешние бесовские нравы, отстаивавший русский лад народной жизни, не укладывается, как и все почвенники, в западнический либеральный «формат». Мыслить и поступать по-русски, пытаться противостоять духовному опустошению народа, понимать и разделять его боль – означает обречь себя на изгойство и противостояние с «новой элитой».

Общественное пространство, как и природа, не терпит пустоты. Если замалчивают, вымарывают Сталина, Калинина (Михаила Ивановича), Георгия Свиридова, Василия Белова, Валентина Распутина,

Ивана Васильева, их место предназначено иным людям. Во имя чего привлекают публичное внимание к Наполеону, организывают в старейшей библиотеке выставку к юбилею Элвиса Пресли? Или чем руководствовались, создавая в центре Твери, по сути, мемориальный комплекс имени Андрея Дементьева (Дом поэзии Андрея Дементьева, памятник ему, улица его имени), ощущавшего себя «в Израиле, как дома»? Да, хороший поэт-песенник (с этим не поспоришь), однако же вовсе не классик мирового уровня, каким вдруг начали его представлять. Славолюбие было не чуждо Андрею Дмитриевичу. Вспоминается, как возглавляемая им Ассоциация тверских землячеств вывесила в центре города огромный портрет Дементьева с подписью «Гордость земли Тверской», какие пышные фейерверки устраивала городская власть по случаю дня рождения «гордости». Тогда же была вброшена в информационное пространство идея создания памятника поэту. Доминирование либералов в СМИ, культурных учреждениях, музеях, театрах – факт общеизвестный. Но нельзя же так нахраписто перечить здравомыслию и игнорировать тверское общественное мнение!

Брендизм – оружие лукавого. Вкладывая деньги, либеральные брендисты надувают «мыльный пузырь» до подчас абсурдных размеров, и общество, к сожалению, слабо этому сопротивляется, хотя вред от этого очевиден. Брендизация Дементьева (говорят, инициатива исходила из Москвы) привела к перекосам (извращению) в восприятии подлинной картины тверского литературного процесса. Молодых людей, вопреки логике, приучают к тому, что Дементьев – тверское все. Слово бы не было у нас Владимира Соколова, Николая Тряпкина, Константина Рябенко, Александра Гевелинга, Галины Безруковой. Даже будущие филологи из Тверского госуниверситета

вряд ли слышали о самобытных мастерах поэтического слова Владимире Соловьеве, Петре Кучукове, Валерии Мухине. Или кто, скажем, знает замечательные стихи родившегося на осташковской земле и жившего в Санкт-Петербурге Анатолия Белова? Андрей Дементьев со своим «Снегом в Иерусалиме» бледновато выглядел рядом с ним, но он – тверской бренд, а почвенник Анатолий Белов – в забвении.

А разве не грустно сознавать, что Тверь музыкальная известна в стране лишь потому, что здесь родился шансонщик, написавший «Владимирский централ». Один из моих товарищей был этим летом в Сочи. Кому ни скажет, что он из Твери, в ответ: «Это, где Михаил Круг жил?». Какая скудность кругозора! Читаешь книгу «Музыканты Верхневолжья» В.И. Шикова с предисловием Родиона Щедрина и понимаешь, каких действительно выдающихся музыкантов, композиторов, дирижеров, певцов дала миру тверская земля. Василий Васильевич Андреев, Елизавета Андреевна Лавровская, Сергей Яковлевич Лемешев, Борис Александрович Александров, Виктор Сергеевич Попов, Николай Николаевич Сидельников, Василий Федорович Балашов, Константин Арсеньевич Симеонов...

Но как, например, увековечена в Твери память родившегося в Твери Б.А. Александрова, композитора, хорового дирижера, хормейстера, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Сталинской премий, Государственной премии имени М.В. Глинки, народного артиста СССР, многолетнего руководителя ансамбля Советской Армии, носящего имя его отца А.В. Александрова? Судя по Википедии, никак. А почему бы не создать Дом музыки имени Б.А. Александрова, не установить

(продолжение на стр. 12).



(начало на стр. 10-11).

ему памятник? Это фигура куда более значительная, чем Дементьев и Круг. Боюсь, чиновники понятия не имеют, что Борис Александрович - автор популярнейшей оперетты «Свадьба в Малиновке», двух увертюров для оркестра, прекрасных патриотических песен, в том числе «Несокрушимой и легендарной», «Священной войны» и много-много чего другого. Что музыка Гимна СССР, перешедшая к Гимну России, написана его отцом - народным артистом СССР, лауреатом двух Сталинских премий А.В. Александровым, который также был связан с Тверью, хотя родился на Рязанщине. Начальное музыкальное образование Борис Александрович получил в Тверской музыкальной школе, где пел в хоре отца, 12 лет преподававшего в Твери.

Монополия торгашества и банковского капитала в России привела к деградации не только литературной, музыкальной культуры народа, но и всей гуманитарной сферы: философии, исторической науки, школьного и вузовского образования. Зреть надо в корень, а именно - с точки зрения классовых интересов, русской традиции и ответственности слова и дела власти. А то ведь, бывает, убаюкивая общественное мнение, замах делают на рубль, а на выходе получается жалкая копейка, а то и убыток. Хотя, смотря для кого убыток. Непосредственно связанный с «болонской системой» ЕГЭ позволяет обогащаться группе лиц, которые крутятся вокруг серьезных финансов, отпускаемых на его проведение. Видимо, и по этой причине столь быстро «ушли в песок» разговоры об отказе от ЕГЭ. Поразительно, но в существующем Законе «Об образовании в Российской Федерации» не указана его цель, хотя в советском Законе об образова-

нии она было четко обозначена - всестороннее развитие человека.

Не удивительно, что педагогическая профессия потеряла престиж. Раньше в любом малом городе или поселке с искренним уважением здоровались с учителем, называя его по имени и отчеству, а теперь униженно склоняют головы перед заматеревшими местными микроолигархами. Из полутора сотен педагогических вузов осталась треть, нижняя граница для поступления в них не превышает порой 35 баллов. В стране недостает около 270 тысяч педагогов. У большинства учителей зарплата мизерна, на уровне прожиточного минимума. Им не до Антуана-Жана Гро и не до того, насколько страстно Наполеон любил графиню Жозефину Богарне, дай Бог, работая на две ставки, свести концы с концами.

Российские политологи и ведущие политшоу на ТВ, прям-таки, извелись в переживании за немцев, как известно, поставляющих оружие Украине. Они, бедненькие, де, из-за нехватки газа будут реже принимать душ и включать кондиционер. При этом радетелей не волнует, что провинциальный российский учитель не может провести себе газ в дом, потому что у него зарплата 15-20 тысяч рублей. Для сравнения: в Германии в 2021-2022 гг. средняя зарплата учителя начальных классов от 3300 до 4000 евро в месяц, учителя старших классов - свыше 4000 евро, а директора школы - от 5500 евро. У преподавателей высшей школы оклады начинаются с 4100 евро. Эти цифры привел в «Советской России» депутат Государственной думы, доктор исторических наук М.Н. Матвеев. Скажут, мы к этому не готовы, нет финансовых возможностей. Но почему созданы возможности для обогащения «новой элиты»? Она шикавала и шикует, покупая виллы, яхты, раритеты, не испытывая перед учителем ни малейших угрызений совести. Почему тихо

сидит в Госдуме какая-нибудь распиаренная безликая волонтерка от «Единой России» и получает за сидение сумму раз в тридцать большую, чем сельский учитель высшей категории? Неужели мы нашу учительскую нищету и неиссякаемую тягу российской «элиты» к обогащению перенесем на Донбасс и освобожденные территории Украины? Остается добавить, что бюрократия из сферы образования буквально затерзала школы отчетами, гугл-формами, «вариативными подходами». Тут, считаю, полезно вспомнить исторический момент. В конце 20-х годов руководство СССР окончательно пришло к выводу, что троцкисты завели образование в тупик. Наркомпросовские начальники во главе с Луначарским были уволены. Аппарат наркомпроса сократили с 8,5 тысячи человек до 335 и возвратились к опыту русской традиционной школы. Сталин вообще уделял большое внимание разбюрокрачиванию, понимая, что бюрократия стремится к замкнутой жизни во имя частного интереса. И в современной России надо освободиться от имитаторов действия, плодящих ненужные циркуляры. На мой взгляд, прежде всего, следует ликвидировать Рособснадзор, а также уменьшить в два-три раза разбухшие региональные департаменты образования.

В нашем многонациональном народе таится нерастраченная тяга к возвышенному, чистому. Кажется, уже повсеместно взял силу чертополох массовой культуры, но стоило начать по субботам и воскресеньям приглашать в малаховские передачи на ТВ исполнителей народных песен, и мы убедились, сколько в России талантов. Положительного настроения добавляют заметки Александра Проханова с его чуткостью на перемены и виртуозной способностью находить метафоры: «*Кончен век Кудрина - Мау - Чубайса. Кончен*

(окончание на стр. 13).



(начало на стр. 10-12).

век Райхельгауза и Невзорова. Начинается новый театр - русский театр духовных военных действий. Начинается новая русская музыка. Прислушайтесь к реву «Ураганов», свисту «Калибров», рокоту «Аллигаторов», и вы услышите Прокофьева, Свиридова, Скрябина, услышите Шостаковича, написавшего свою симфонию в честь присоединения Донбасса к России.

Однако Александр Андреевич Проханов в Москве живет, а я - в провинции. У нас тут по федеральной программе улицы асфальтируют, мост ремонтируют, т.е. фасад приводят в порядок. Но за фасадом типичная для срединных областей России картина. Народ придавлен отсутствием достойной работы, сельские школы мельчают, медицина деградировала. Не видно главного - массового возвращения к труду на земле, что, в свою очередь, способно духовно укрепить, оздоровить народ. Выйдешь за деревенскую околицу, увидишь, как, зарастая, тоскует по человеческому вниманию и заботе бывшее колхозное поле, на котором в былые годы обильно колосилась рожь, и душа твоя, русская, затоскует вместе с ним. Понимая, что полномочия и финансовые возможности местной и региональной власти ограничены, не хочу бросать камень в их огород. Требуется изменение всего вектора развития сверху - как в Москве аукнется, так у нас отзовется. Кроме того, нужно осознание обществом крайней необходимости и важности поворота к земле, что не слишком заметно. Потому и беспокоит меня сомнение: не угаснет ли на минорном аккорде «новая музыка русской жизни», едва народившись?

Валерий Кириллов,

член Союза писателей России,
лауреат национальной премии

«Имперская культура»,

г. Андреаполь

Ах, эти «Чудные мгновенья!»



В Западнотвинском историко-краеведческом музее прошла фотовыставка «Чудные мгновенья» Любви Быстровой (г. Нелидово). В экспозиции были представлены 44 работы. Выставку посетили около 500 человек. Благодарные посетители оставили свои отзывы. Вот один из них: «Замечательно, что рядом с нами живут люди, име-

ющие дар проникнуть за грань обыденности. Фотокамера в руках Л. Быстровой позволяет нам взглянуть на простые вещи под новым, непривычным углом, создавая тем самым новую, неизвестную реальность». Участники встречи смогли поближе познакомиться с Л. Быстровой - человеком разносторонним и увлекающимся: музыкантом, поэтом, композитором, фотохудожником, путешественником. Быстрова приготовила западнотвинцам свой творческий подарок, исполнив под аккомпанемент гитары несколько песен, к которым сама сочинила музыку, а также прочитала авторские стихотворения. Директор Западнотвинской ЦБС Галина Филиппова поблагодарила гостью за прекрасную выставку, интересную встречу и концертную программу.

С. Денисов,

фото Е. Тихоновой





Клуб белорусской культуры

Фольклорный ансамбль «Славяночка» ТвГУ поддержал студенческую инициативу и открыл в Твери на базе Центра традиционной культуры клуб «Белорусская культура». Посещать занятия может каждый желающий. В клубе будут изучать культуру дружественного народа: историю от переселения славян и до наших дней, архитектуру, природные объекты, классическую литературу, белорусский язык, национальные праздники, музыку, национальные блюда.

На логотипе изображена буква «Ў» - это отличительный признак белорусского языка, который со временем стал символом целой страны. Памятник этому знаку алфавита был установлен в Полоцке в сентябре 2003 года, в десятую юбилейную годовщину национального праздника «День белорусской письменности».



стр. 14



Ещё в детском саду на устроенном воспитателями конкурсе Ирочка Варламова нарисовала свою будущую школьную учительницу. Уже взрослой обнаружила этот рисунок в своих старых папках. И диву далась. На нем статная дама с прямой спиной, с кичкой на затылке, в фиолетовом платье. Как ещё, если не творческим прозрением, можно назвать полное совпадение обликов, включая цвет платья, - с рисунка и её будущей первой учительницы Нины Яковлевны Григорьевой.

Ирину Варламову тянуло к рисованию, сколько себя помнит. Но когда она после окончания школы высказала родителям желание: стать учительницей рисования, мама - бухгалтер по профессии, посоветовала сделать иной выбор. Ирина поступила в Торжокский политехнический техникум на отделение «товароведение». Первое рабочее место в лечебно-исправительном учреждении - бухгалтер продо-

Волшебная сила искусства

вольственного стола (забота о питании осужденных). А позже в том же ЛИУ - на вышке в качестве охранника. Зато ранняя пенсия. И вот теперь, - решает Ирина, - можно и о мечтах подумать.

Да она никогда и не забывала о них. Рисунки копились в папках, пухнувших год от года. Жило в душе и чувство трепетного восторга из школьных лет, когда вспоминала мастерскую художника Евгения Ефимова в Доме пионеров, располагавшемся рядом со школой. И когда перебрались с мужем из поселка Костюшино в Андреаполь, среди первых возникла мысль устроить себе комнатку, где можно тихо рисовать. Теперь Ирина получила возможность брать частные уроки у художника-профессионала, члена Союза художников России Павла Петровича Урсу. На работу новоиспеченная пенсионерка устроилась в районную библиотеку. Ладила с детьми, организовала свои направления в молодежном досуге. Сразу же поступила на библиотечное отделение колледжа культуры имени Львова в Твери, полученные там знания воплощала в жизнь. Но...

Но в этом же колледже учили и будущих художников. И не было сил преодолеть этот факт.

(окончание на стр. 15).



(начало на стр. 14).

Выпускница одного факультета поступила на другой. Вот тут и «портфолио» её пригодилось. И рисунки «в стол», и частные уроки у художника. Учиться ей



3 года 10 месяцев. За спиной уже две сессии. Она с удовольствием изучает педагогику, народные промыслы – ремесло наших предков. Одна из ее курсовых работ «Городецкая роспись по дереву». А уж что касается теоретических и практических тонкостей изобразительного искусства (методы, светотени, необходимость собственного почерка и проч.), впитывает всё до мельчайших подробностей.

- А педагоги в колледже какие сильные, - рассказывает Ирина. - И спрашивают с нас, заочников, по полной программе. Никаких послаблений. В сессионный период все ночи бессонные. Дома доделываем работы. Утром невыспавшийся, с рюкзаком, наполненным красками-кистями, материей для лоскутного шитья, фанерой для росписи

и всем прочим необходимым, спешишь на занятия. К тому же темп городской непривычен. Это не в провинции у нас, идешь - видами наслаждаешься. Кстати, все мои сокурсницы тверские. Одна я из такой глубинки.

Сыновей у Ирины трое. Старшему - 24, своих детей имеет. Среднему - 14, младшему - 11 лет. Уезжая, она контролирует их по телефону. Кто как уроки выучил, какие оценки получил. Даже дневник по телефону требует показать. Муж хоть ответственный и надежный, все равно контроль нужен, считает. Сейчас Ирина успешно преподаёт рисование в школе искусств. Все-то по плечу нашим женщинам. Все они могут. Еще Некрасовым замечено.

М. ПЕТРОВА

На снимке: Ирина Варламова с сыновьями; ее работы.

«Умная» спортплощадка

В регионе заработала первая «умная» спортплощадка. Помимо большого количества объектов для занятия различными видами спорта она оснащена тренажерами с QR-кодами, которые помогут даже человеку, далекому от спорта, приобщиться к здоровому образу жизни. Уникальная спортплощадка появилась на территории школы №1 в Зубцове. Аналогичные площадки появятся на территориях школ №4 Бежецка и №1 Удомли. Объекты свободно могут посещать жители и гости региона. А посмотреть есть на что. Здесь обустроены футбольное поле с искусственным покрытием, беговая дорожка, площадки для

баскетбола и волейбола, гимнастический городок с комплектом уличных тренажеров, трибуна на 100 мест, улично-спортивный комплекс. Снаряды имеют QR-коды, дающие возможность ознакомиться с методикой занятий. Объект подключается к Wi-Fi. На «умных» площадках заниматься смогут как школьники, так и детско-юношеская спортивная школа Зубцовского района. Здесь же будут проводить муниципальные и региональные соревнования.

До конца года по инициативе главы региона новые спортивные объекты построят на территории школ в Нелидове, Калязине, Кимрах, Старице и

Осташкове. Ждут своего открытия ФОК в школе №5 города Кашина и стадион «Горизонт» во Ржеве, универсальная спортплощадка у Мирновской средней школы Торжокского района, а также поля для мини-футбола на станции Кулицкая Калининского района. Обновляется хоккейный корт в поселке Фирово.



